

Героическая трактовка образа А.В. Суворова в творчестве Державина

Е.В.Никольский

МИИГАиК

(Тверь)

Ключевые слова: творчество Державина, героика

Поэзия Державина представляет нам героических личностей, к изображению которых поэт подходит большой ответственностью, желая как можно шире и точнее показать все их достоинства и превратить в пример для подражания. Таким героем для поэта стал полководец А.В. Суворов.

Личное знакомство Державина с ним относится к 1774 году, когда они встретились в приволжских степях, участвуя в войне с Пугачевым. Новая встреча произошла лишь двадцать лет спустя, в 1795 году, во время приезда Суворова в Петербург по окончании войны с Польшей.

Суворов поселился в Таврическом дворце, но не изменил своих солдатских привычек: спал на полу на охапке сена, рано вставал, и спартанский образ жизни его в роскошном дворце Державин отметил в особом стихотворении:

Когда увидит кто, что в царском пышном доме
По звучном громе Марс почиет на соломе,
Что шлем и меч его хоть в лаврах зеленеют,
Но гордость с роскошью повержены у ног...

[Сочинения Державина 1868, I: 709-710]

Державин кратко и выразительно воссоздает личный облик Суворова, индивидуальный его портрет. Это не просто полководец или герой вообще, это именно Суворов, со всеми особенностями его характера и поведения. Поэт говорит о характерных чертах личности Суворова, о его системе физической закалки, необходимой военному человеку, о бытовом укладе полководца, о выработанной Суворовым манере прикрывать свой ум и проницательность шутками, чудачествами и т. д.

В своей характеристике Суворова Державин подчеркнул момент единения полководца с армией, стремление его довести боевую задачу до каждого солдата. Суворов всегда умел обеспечить сознательное выполнение своих приказаний. «Солдат должен знать свой маневр», - любил говорить он. И эта замечательная черта военной педагогики Суворова была отражена Державиным в оде «На переход Альпийских гор» (1799):

Идет в веселии геройском

И тихим манием руки,
Повелевая сильным войском,
Сзывает вокруг себя полки.
«Друзья! — он говорит, — известно,
Что Россам мужество совместно;
Что нет теперь надежды вам,
Кто вере, чести друг неложно,
Умреть иль победить здесь должно». —
«Умрем!» - крик вторит по горам...

[Сочинения Державина 1869, II: 281]

Упоминание о чести имеет здесь особый смысл. В представлении дворянского общества XVIII века понятие чести было свойственно только ему. Крепостные крестьяне, из которых рекрутировалась армия, якобы служили из страха, по обязанности, но честь мог защищать только офицер-дворянин. Мысль об этом содержится даже в рассуждениях Милона из «Недоросля».

Державин был одним из немногих деятелей XVIII века, который, подобно Суворову, всегда помнил о солдате и уважал его.

Во второй половине XVIII в. Россия прославила себя громкими военными победами. Среди них особенно примечательны покорение турецкого флота в Чесменской бухте, взятие Измаила, знаменитый переход через Альпийские горы. Выдвигаются талантливые полководцы: А. Г. Орлов, Г. А. Потемкин, П. А. Румянцев, А. В. Суворов. Слава русского оружия нашла свое отражение в таких патриотических одах Державина, как «Осень во время осады Очакова», «На взятие Измаила», «На победы в Италии», «На переход Альпийских гор». Они продолжали традицию знаменитой оды Ломоносова «На взятие Хотина» и в этом смысле последовательно классицистичны. В них обычно два героя — полководец и русское воинство, персонифицированное в образе богатыря Росса (русский). Образная система обильно насыщена мифологическими именами и аллегориями. Так, например, в оде «Осень во время осады Очакова» в одной строфе представлены и бог войны Марс, и российский герб — орел, и луна как символ магометанства. В оде «На взятие Измаила» Державин широко пользуется художественными средствами Ломоносова-одописца, в том числе нагнетанием гиперболизированных образов, создающих напряженную картину боя. Военные действия сравниваются с извержением вулкана, с бурей и даже с апокалипсическим концом мира.

Державин и в военно-патриотической лирике сумел сказать новое слово. Одним из таких явлений было его стихотворение «Снигирь» (1800) — поэтический отклик на смерть А. В. Суворова, последовавшую 6 (19) мая 1800 г. Державин познакомился с

Суворовым в первой половине 70-х годов XVIII в. Знакомство перешло в дружбу, чему немало способствовало сходство характеров и убеждений.

Суворов одержал в Италии ряд блистательных побед при Нови, Треббии и очистил Северную Италию от французских войск. Вместо того чтобы закрепить эти успехи, Суворов получил приказание идти в Швейцарию. Австрийские войска уже ушли оттуда, и русский корпус под командой генерала Римского-Корсакова оказался в одиночестве против превосходящих сил французской армии. Суворов бросился на помощь. Австрийское командование изменническим образом нарушило свои обязательства и оставило русскую армию без продовольствия, транспорта и боеприпасов. Но медлить было невозможно. Суворов, как всегда, выбрал наиболее короткий путь и двинулся в Швейцарию по горным тропинкам. Неукротимый духом семидесятилетний полководец провел армию через Альпы, сломив сопротивление французских войск, разбил их в боях и успешно завершил кампанию.

Горный поход Суворова многократно увековечен в русском искусстве. Первым это сделал Державин. Его ода «На переход Альпийских гор», написанная в ноябре — декабре 1799 года, основана на точных исторических фактах. Материалом поэту служили донесения Суворова, печатавшиеся в «Прибавлениях» к газете «Санкт-Петербургские ведомости».

Державин, выразив свою радость по поводу того, что ему вновь довелось говорить о славе Суворова, ставит себя на место участника похода и мощной кистью рисует картины альпийской природы и препятствия, которые приходилось преодолевать суворовским богатырям.

С большой верностью говорит он о единении Суворова с войском, о том, что, выступая в поход, полководец постарался довести боевую задачу до каждого солдата, обеспечив сознательное выполнение своих приказаний. Эта черта военной педагогики Суворова была присуща ему, как никому другому из русских военачальников XVIII века.

Упоминание о чести имеет особый смысл. В представлении дворянского общества XVIII века понятие чести было свойственно только дворянам. Крепостные крестьяне, из которых рекрутировалась армия, якобы служили из страха, по обязанности, но честь мог защищать только офицер-дворянин. Мысль об этом содержится даже в рассуждениях Милона, выведенного в «Недоросле» Фонвизина.

За несколько дней до кончины Суворов спросил у Державина: «Какую же ты мне напишешь эпитафию?» — «По-моему, много слов не нужно, — отвечал Державин, — довольно сказать: «Здесь лежит Суворов». — «Помилуй бог, как хорошо! — произнес герой с живостью». Суворов был похоронен в Александро-Невской лавре в церкви Благовещения. Эпитафия, сочиненная Державиным, до сего времени сохранилась на могильной плите. Своей простотой и краткостью она резко выделяется среда

других надгробных надписей, пространных и напыщенных, с длинным перечнем титулов и наград.

Стихотворение «Снигирь» было создано, по словам самого Державина, при следующих обстоятельствах. «У автора в клетке был снегирь, выученный петь одно колено военного марша; когда автор по преставлении своего героя (т. е. Суворова.) возвратился в дом, то услыша, что сия птичка поет военную песню, написал сию оду в память столь славного мужа».

История написания этого стихотворения, рассказанная самим Державиным в «Объяснениях...», давно стала ещё одной литературной легендой. Обратимся к каноническому тексту «Снигирия» (1800):

Что ты заводишь песню военну,
Флейте подобно, милый снигирь?
С кем мы пойдем войной на гиену?
Кто теперь вождь наш? Кто богатырь?
Сильный где, храбрый, быстрый Суворов?
Северны громы в гробе лежат.
Кто перед ратью будет, пылая,
Ездить на кляче, грызть сухари;
В стуже и в зное меч закалая,
Спать на соломе, бдеть до зари;
Тысячи воинств, стен и затворов
С горстью россиян все побеждать?
Быть везде первым в мужестве строгом;
Шутками зависть, злобу штыком,
Рок низлагать молитвой и Богом,
Скиптры давая, зваться рабом;
Доблестей быв страдалец единых,
Жить для царей, себя изнурять?
Нет теперь мужа в свете столь славна:
Полно петь песню военну, снигирь!
Бранна музыка днесь не забавна,
Слышен отвсяду томный вой лир;
Львиного сердца, крыльев орлиных
Нет уже с нами! – что воевать?

Это стихотворение – лучший поэтический памятник великому Суворову. Державину здесь удалось создать почти обыденный и тем еще более трогательный образ умершего героя. Поэт использовал в «Снигире» приёмы, выработанные в русской анакреонтике, но сломал традицию, сделав анакреонтику не шуточной, а

трагической. Стихотворение заслужило признание читателей двух веков: оно вошло во все учебники стиховедения и антологии русской поэзии. Державинский снегирь прытко перелетел и в поэзию XX века. Форму «Снигиря» в наше время попытался повторить И. А. Бродский в стихотворении «На смерть Жукова».

Хотя Державин и называет «Снигиря» одой, но это слово утрачивает у него свой жанровый смысл. Высокую гражданскую тему Державин воплощает в форму глубоко личного, интимного произведения, вследствие чего в стихотворение вводятся подробности частной жизни поэта. Вот он, Державин, вернулся домой под гнетущим впечатлением от кончины Суворова.

А веселый снегирь встречает его, как всегда, военным маршем. Но как не подходит этот марш к скорбному настроению поэта! И именно поэтому Державин начинает свое стихотворение мягким укором:

Что ты заводишь песню военну
Флейте подобно, милый снигирь?

[Сочинения Державина 1869, II: 283]

Сравнение голоса снегиря с флейтой не случайно: в XVIII веке флейта была одним из основных инструментов военного оркестра, и флейтист часто шел впереди воинской части. В победно-патриотических одах поэты не стремились обрисовать образ восплаемого ими полководца. Традиционные уподобления «Марсу», «Орлу» стирали индивидуальный облик героя. В стихотворении «Снигирь» Державин поставил перед собой принципиально иную задачу. Он пытался создать неповторимый облик своего покойного друга, излагая подробности его жизни. Державина не смущает соседство в его стихотворении слов «вождь», «богатырь» с такими словами, как «кляча», «солома», «сухарь». Он руководствовался не отвлеченными признаками жанра, а фактами самой действительности.

«Суворов, — писал он в «Объяснениях», — воюя в Италии, в жаркие дамы ездил в одной рубашке перед войском на казачьей лошади или кляче... был неприхотлив в кушаньи часто едал сухари; в стуже и в зное... себя закаливал подобно стали, спал на соломе или на сене, вставал на заре, а когда надо было еще делать ночные экспедиции на неприятеля, то сам кричал петухом, чтобы показать, что скоро заря и что надо идти на марш; а в приказах своих отдавал, чтоб по первому крику петухов выступали. Он предводительствовал небольшим числом войск, и горстью россиян побеждал превосходное число неприятелей.

Быть везде первым в мужестве строгом. — Несмотря на известность в общении он был одинаков со всеми: и с солдатом и с генералом. Своей славой не гордился. Перед смертью, когда случился разговор о Наполеоне при нем, и когда называли его великим полководцем, то он слабым голосом сказал: «Тот не велик еще, кого таковым почитают. ...

Рок низлагать молитвой и Богом. – Он весьма был благочестивый человек и совершенно во всех своих делах уповал на Бога, почитая, что счастье не от кого другого происходит, как свыше».

Замечателен эпитет «быстрый» («быстрый Суворов»), передающий и живой, стремительный характер полководца, и его молниеносные, неожиданные для врага, решения, примером которых может послужить знаменитый переход через Альпы.

Не скрыл Державин и печального положения своего, героя в самодержавной России: «Скиптры давая, зваться рабом». В этих словах — горькая ирония над участью русских полководцев, судьба которых полностью зависела от милости или гнева монарха. Неприятие Суворова со стороны Павла I — яркий тому пример.

Особого внимания заслуживает метрика «Снигиря». Вместо канонической десятистишной строфы, которую закрепил за одой Ломоносов, Державин пользуется шестистишной, им самим придуманной строфой. Первые четыре стиха имеют перекрестную рифмовку, два последних — рифмуются с аналогичными стихами следующей строфы. Вместо обычного для оды четырехстопного ямба в «Снигире» — четырехстопный дактиль. Полные дактилические стопы чередуются с усеченными. После второй, усеченной стопы образуется пауза, придающая речи поэта взволнованный характер.

Литература

Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я.К.Грота. – Т.1: Стихотворения. – СПб.: Издание Императорской Академии Наук, 1868.

Сочинения Державина в объяснительными примечаниями Я.К. Грота. – Т.2: Стихотворения. – СПб.: Издание Императорской Академии Наук, 1869

Диалогичность русской мемуарно-автобиографической прозы рубежа XVIII – XIX вв (Г.Р.Державин и Д.И.Фонвизин)

И.Н.Островских

Алтайская государственная педагогическая академия
(Барнаул)

Ключевые слова: авторский дискурс, мемуарная проза, система эпиграфов, диалогичность

Рубеж XVIII – XIX веков – время актуализации авторского начала в русской литературе. В эту эпоху на первый план выходят такие «интимные» жанры, как мемуары, дневники, путевые заметки и т.д.